

ДИАГНОЗ:

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

АЛЕКСЕЙ МАЛЬЦЕВ

ШИЗА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М21

Оформление переплета художника *А. Шпакова*

Мальцев, Алексей.

М21 Шиза / Алексей Мальцев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Диагноз: Психологический триллер).

ISBN 978-5-699-92201-7

Врач-психиатр Илья Корнилов готовит заключение о вменяемости Константина Бережкова, убившего женщину с особой жестокостью. Первое впечатление: Бережков — абсолютный шизофреник с синдромом раздвоения личности, не контролирующей свои поступки. Врачебный консилиум также склоняется к выводу, что преступник — психически больной человек. Но Корнилов не спешит поставить свою подпись под заключением и отправить психа на лечение. И причина не только в подозрительности психиатра. Бережков оказался тем самым врачом-хирургом, который много лет назад из-за своей ошибки и халатности сломал Корнилову жизнь. Желание доказать вменяемость Бережкова и сгноить его в тюрьме в какой-то момент пересилило профессиональный долг психиатра...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92201-7 © Мальцев А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

КНОПОЧНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Припарковавшись на служебной стоянке у поликлиники, я взял с заднего сиденья портфель, поставил свою «Короллу» на сигнализацию и направился к центральному входу.

По пути взглянул на небо, вспомнив, что не поинтересовался с утра прогнозом. Судя по небу, дождь исключить было нельзя, а я сегодня без зонтика!

На крыльце оглянулся, заметил по ту сторону ограды черный «Лексус», мелькнула мысль: наверняка кого-то из пришедших на прием.

Около кабинета увидел семейную пару. Это улавливалось по приглушенным голосам, по множеству мелочей... Вообще, когда ты пятнадцать лет в профессии, подобные вещи «простреливаешь» мгновенно.

Как они перешептываются, как смотрят друг на друга... Мимика, жесты... Семья есть семья, док, тебе ли этого не знать! Особенно начинаешь ценить ее,

когда безвозвратно утратишь. Кусаеть локти, коришь себя: куда смотрел?! Где раньше был?! Почему не рвался «из жил и сухожилий», только бы сохранить, уберечь то хрупкое, что объединяло и согревало.

Сейчас согревать нечему, да и нечего... Все в прошлом.

Проходя мимо, краем уха уловил, как мужчина уточнил у медсестры: «Скажите, это доктор Корнилов?» Ответа не расслышал, скорее всего, он удостоился не более чем кивка головы.

Потому что Илья Николаевич Корнилов — это, собственно, я и есть. Дожил почти до сорока, к счастью, не спился, хотя поводов — более чем достаточно. Холостой кандидат медицинских наук. К докторской пока не приступал, хотя материал собираю. Но это так, сноска...

В кабинете едва успел переодеться, как раздался телефонный звонок.

— Илья Николаевич, доброе утро, — интонация заведующего Либермана не сулила ничего хорошего. От трубки так и веяло экстренностью. — Зайди срочно ко мне, пожалуйста. Если кто-то у кабинета сидит, направь к Немченко, пусть молодежь трудится.

Слово «молодежь» было одним из любимых у Давида Соломоновича. В те редкие минуты, когда можно было позволить себе как-то лирически «отступит от темы», он частенько сетовал на то, как изменились современные студенты, как скатилось «кнопочное поколение», «дети ЕГЭ».

— На кого мы оставим наших бедных шизофреников?! Кто будет проводить диагностику пара-

ной, купировать алкогольные делирии?! — сокрушался он, курсируя по кабинету с заложенными за спину руками. — Психической патологии становится все больше, она все тяжелее, а молодежь привыкла только нажимать на кнопки! Выбирать один вариант из нескольких предложенных. Им дай пять или шесть симптомов, они один из них выберут. По-другому не умеют!

Либерман читал курс лекций в Медакадемии и даже вел там две группы. Предлагали еще, но он отказывался. Впечатлений старику и так, что называется, хватало надолго.

Ради справедливости стоит заметить, что Немченко не попадал в категорию «детей ЕГЭ», крупницы клинического мышления в его высказываниях заведующий периодически улавливал.

Сегодня Давид Соломонович был явно не в духе. Мешки под глазами и сдвинутый набок галстук говорили сами за себя. О его давлении по поликлинике ходили легенды, даже стишок шуточный про это дело придумали:

Ты в психиатрии без обмана
В наши дни никак не проживешь..
Лишь гипертонию Либермана
Вокруг пальца ты не обведешь.

— Звонили из СИЗО, — начал он без обиняков после рукопожатия. — С утра, что называется, за жабры взяли. Короче, то ли маньяка взяли, то ли еще кого. Я толком не понял. И, видите ли, возникло сомнение в его психическом состоянии — мягко говоря...

— Этого самого маньяка? — уточнил я.

— Ну, не в моем же! — обиделся Либерман. — В моем-то ты, надеюсь, не сомневаешься? А если по-русски, то он им в течение суток нес такую ахинею, что — мама не горюй... Подготовили постановление о проведении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, просили к ним в СИЗО приехать, но я сказал, чтоб к нам везли.

— Это вы дальновидно поступили, — заметил я.

— Издеваешься, да? Видишь ведь, я никуда пока ехать не могу, давление зашкаливает. Психбригада к нам везет. Несет такой бред, что все ходят на ушах. Короче, надо определиться срочно с ним, у них версии летят одна за другой, сам понимаешь.

— Может, казачок-то засланный?! — решил оригинальничать я по простоте душевной, но заведующий явно не оценил мою шутку. — Искусно прикидывается...

— Это ты сейчас придумал или домашнюю заготовку выдал? — спросил он и уставился поверх очков на меня так, что мне захотелось мигом втиснуться в пузырек нитроминта, который торчал из кулака заведующего, чтобы в виде спрея «выстрелить» хозяину под язык, всосаться в кровь, в ту же минуту облегчив его страдания. — Ты начни с ним, поковыряй его аккуратненько, но смотри, чтоб не до судорог! А я оклемаюсь чуток...

— Договорились, начинаю без вас.

— Начинай, дорогой, — кивнул заведующий и сморщился, по-видимому, от головной боли.

«Поковырять, но не до судорог» — было ходовым выражением заведующего. Довести пациента до судорог — верх непрофессионализма. Хотя, чего

греха таить, судорожный синдром мог нагрянуть, когда его не ждешь — среди полного спокойствия. Он — как икота у ребенка. В конце концов, судороги мог спровоцировать сам больной. Но это так, сноска.

Уже направляясь в судебно-психиатрический стационар, чтобы «поковырять подследственного», я состыковал в голове одно с другим и понял, почему шефу нехорошо. По всей вероятности, медленно, но верно надвигался сезон дождей. Не зря же небо мне утром не понравилось. А когда падает атмосферное давление, у гипертоников артериальное, наоборот, повышается. Как правило, подобные природные катаклизмы совпадают с магнитными бурями. Если не проведена соответствующая профилактика — дело плохо, больного начинает плющить, колбасить — короче, выворачивать наизнанку.

Фельдшер психбригады Стас Пепеляев, увидев меня, отвел в курилку, угостил сигаретой, кратко рассказал о больном:

— Вел себя спокойно, прикинь, слушал, как в животе кричат компьютерные мальчики, просил поставить что-нибудь детское, в смысле музона, чтобы они уснули.

— Такого я что-то не припомню, — признался я, выдыхая дым и стряхивая пепел в обрезанную бутылку из-под какого-то энергетического напитка. — И как, кибердетки успокоились? Или их предстоит успокаивать мне?

— Не это главное, там майор такой есть, с постановлением подъедет где-то через час-два. Так вот, он мне обрисовал картинку. Парнишу взя-

ли вчера днем. Оперативники «накрыли» один из подвалов, где и обнаружили этого придурка с окровавленным молотком в руке. Он стоял на коленях, склонившись над женским трупом, череп которого был раздроблен. — У Стаса запиликал сотовый, он взглянул на дисплей, сбросил звонок и продолжил: — Прикинь, молотком расколотил бабе черепушку. Как яйцо! И потом с интересом, как экспонат в музее, рассматривал то, что лежало перед ним. При нем не было никаких документов, очки, лицо, медицинский халат — все было забрызгано кровью. Обрати внимание — халат был накрахмаленный. Только в крови, и ни в чем более, сейчас на экспертизе.

— И что, больше никого в подвале не было? — задал я вопрос, чувствуя, как от услышанного в моем собственном животе начинает кто-то шевелиться.

— Если бы! — усмехнулся Стас. — Еще две женщины, живые, но в полной отключке, были привязаны к трубам отопления. Сейчас в городской реанимации. Такая диспозиция...

— Это не тот ли самый случай, о котором все газеты гудят?

— Да, похоже, это тот случай. Короче, за ночь этот маньяк им в СИЗО так мозги вынес, что они встретили нас как спасителей-избавителей. Я этого майора знаю, не первый раз встречаемся, чтобы довести его до такого состояния — нужен как минимум Чикатило. У них у всех уши были свернуты в трубочку, а глаза — на лбу.

— Так уж и на лбу? — зная красноречие Стаса, усомнился я напоследок «для порядка».

КОМПЬЮТЕРНЫЕ МАЛЬЧИКИ В ЖИВОТЕ

В последние месяцы город в прямом смысле лихорадило. То там, то здесь начали исчезать женщины. К расследованию подключились не только журналисты, но и мужья похищенных. Версий насчитывалось много, они даже печатались в прессе — одна страшнее другой и одна сумасбродней другой. Но единой, которая бы логично объясняла все происходящее, не было. Все терялись в догадках.

Требований выкупа не поступало, трупов никто не находил.

Не инопланетяне же вмешивались таким образом в земную жизнь!

И вот сидим мы с тем самым маньяком-одиночкой друг напротив друга по разные стороны стола и смотрим. Я — на него, он — по сторонам. Ему все интересно: диктофон с блокнотом на столе, люминесцентная лампа на потолке, календарь на шкафу, книги на полках, даже наручники на собственных запястьях. Медленно переводит выпученные глаза за кругляшками очков с одного предмета на другой, ожидая, когда же я заговорю.

А я по привычке спрашиваю себя, что бы подошло парню больше всего: обшивать веранду дома фальцовкой, к примеру, управлять экскаватором, шинковать луковицу или дирижировать оркестром...

Уж точно — не стоять на коленях с молотком над окровавленным женским трупом!

Нескладный, большеголовый, чуть одутловатый, как из другого измерения, он сидел сейчас передо мной, словно ждал начала сеанса в кинотеатре. Пальцы не суетились, губы и щеки не дергались. Не каждый нормальный так себя сможет вести после случившегося.

Меня заинтересовали его уши: оттопыренные, словно с другого черепа. Их дизайном занимался явно не тот, кто рисовал все остальное. Говорят, такая форма раковин является признаком тонкой организации души, недюжинного интеллекта. Ну-ну...

Внезапно меня осенило: где-то я уже видел этот покаты́й лоб, эту поперечную морщинку на переносице, этот подбородок с ямкой посередине...

— Почему вы ничего не спрашиваете? — не выдержал он наконец. — Не пора ли начинать? Время-то идет!

— Во-первых, за вами наблюдаю и делаю выводы, это иногда информативней любых слов, — открыл я завесу тайны, нажимая кнопку на диктофоне. — А во-вторых, скоро подойдут мои коллеги, все же экспертная комиссия должна состоять из трех специалистов, а не из одного. Вот их-то я и жду.

— А я голову ломаю — для кого еще два стула?! Хорошо, а записывать-то зачем? — он кивнул на диктофон.

— Видите ли, я никогда не слышал, как плачут компьютерные мальчишки, тем более — в животе молодого мужчины. Надеюсь, вы не против?

— Вот вы о чем, ну да, ну да, — расслабился он, улыбнувшись. — Должен вас разочаровать. Они успокоились и вряд ли сегодня подадут голос. Когда это случится, я вас приглашу послушать. Только для этого диктофон придется приложить к самому животу. Это как сердцебиение у плода, лучше один раз услышать...

— И давно они у вас кричат?

— Как только у меня появился первый компьютер, с тех пор... Значит, где-то лет пятнадцать. Иногда довольно громко, мне кажется, даже соседи слышали их крики.

— Давайте познакомимся, меня зовут Илья Николаевич, я врач-психиатр. Как мне к вам обращаться?

— Можно называть меня Костей, можно даже на «ты»... Мама в детстве звала Костиком, мне это нравилось, — он вдруг соединил ладони под подбородком, словно собрался прочесть молитву. — Но с тех пор прошло много лет, и назад вернуть ничего нельзя. Время неумолимо движется...

— Ты хорошо помнишь своих родителей?

— Помню, конечно. Десять лет назад они погибли в автокатастрофе.

— Сочувствую... Братья, сестры у тебя есть?

— Нет, один я был у мамы с папой. Как перст.

— А полностью, с отчеством, с фамилией тебя как звать-величать? Сколько тебе лет?

Он вздохнул, разведя руками, дескать, и вы туда же.

— Тридцать пять мне. Полностью меня величают Константином Аркадьевичем, фамилия — Бережков. Думаю, на этом можно закончить и вер-

нуть меня в больницу, откуда меня, собственно, и привезли. У меня больные остались без присмотра, что с ними стало за ночь? Работы — непочатый край!

— Детство свое ты помнишь хорошо? — продолжал я невозмутимо, не обращая внимания на его озабоченность.

— Помню только, что приходилось переезжать с места на место. Родители много работали, на меня у них времени не хватало, и я месяцами гостил у маминной сестры, тетки Тамары. Начиная с восьми лет.

В этот момент дверь раскрылась, в кабинет вошел Давид Соломонович и незнакомый мне доктор лет тридцати. Оценив грудку мышц, перекатывающуюся под халатом, и сбитые костяшки пальцев, я окрестил его каратистом.

— Мы тут с Ираклием Борисычем ознакомились с делом, — начал после представления Либерман, перекладывая на столе отпечатанные на принтере листы с места на место. — Так вот, Константин Аркадьевич, мы не видим никакого смысла ходить вокруг да около. Лучше сразу все карты раскрыть.

— Я... я тоже... Давайте сразу, — засуетился Бережков, даже в глазах его появился блеск. — Чтoб никаких там... инсинуаций.

— Тебя взяли в очень красочном интерьере, в недвусмысленной ситуации, отягчающих обстоятельств — выше крыши... Отпечатков полно. И все понимают...

— Чего тут красочного? — Бережков дернулся, звякнули наручники. — Ворвались грязными нога-

ми на чистую простынь... Красота, нечего сказать! Хоть бы выражения выбирали!

Либерман сделал паузу, набрал в грудь воздуха, потом усмехнулся, выдохнул:

— Думаю, и ты тоже понимаешь, что при таком раскладе, пожалуй, изображать умопомрачение — единственный выход, шанс, соломинка для тебя. Чтобы не получить пожизненное... Другого пути просто нет. Но изображать шизофрению или маниакально-депрессивный психоз при их отсутствии — невозможно. Мы тебя очень быстро расколем.

— Ну да, ну да... А вы что-нибудь умеете, кроме того как колоть? Я вам что, полено?! Другие бы извинились за вторжение, а вы еще и угрожаете. Хороши доктора, нечего сказать!

Когда он произносил свою тираду, я внимательно всматривался в его немного раскосые, увеличенные линзами очков глаза. Иногда неискренность при плохом актерском мастерстве можно уловить именно в минуты наивысшего эпатажа. И снова мне показалось, что я где-то видел и эти оттопыренные уши, и эти линзы. Правда, наручников на запястьях тогда не было...

— Что ж, раз ты предпочитаешь играть в игру... — Либерман развел руками. — Изволь. Только потом, чур, не обижаться!

— Так как насчет моих больных? — невозмутимо уточнил Бережков. — Я до вашего появления вашему коллеге как раз втолковывал...

— Не волнуйтесь, Константин Аркадьевич, ваших больных развезли по другим клиникам, — подчеркнуто сухо продекламировал Давид Со-